

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ

ПОВѢСТЬ ЗѢЛО ПОЛЕЗНА, ВЫПИСАНА
ОТ ДРЕВНИХЪ ЛѢТОПИСЦОВЪ, ИЗ РИМСКИХ КРОННИКОВЪ,
КОЯ ЦАРИЦА, МОЛЯСЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,
СПАСЕНА БЫТЬ ОТ СМЕРТИ

Бысть в палестинскихъ странахъ,* в нѣкоемъ градѣ велицѣ царь, благочестивъ и славенъ зѣло, имѣя у себя мать, поимъ себе жену, благочестиву и добронравну, бяше бо образомъ лѣпа, и велми любляше ю, живяста оба вкупѣ, во страсъ Божии по закону. Мати же царева завиствуя на царицу, невѣстку свою, яко любить ея царь и за добродѣтель ея почитаема бѣ от всѣхъ, и не любяше ея, и мысляше всегда во умѣ своемъ на ню пакость навести, и печашеся о томъ всегда.

По временѣхъ же нѣкоихъ благочестивая та царица роди чадъ своихъ, два сына-близнеца. Царь же о семъ радостенъ бысть, рождения ради чадъ своихъ, и востав, иде в церковь Божию с велможи своими, и нача молебная совершати Господеву о благополучении своемъ и о здравии чадъ своихъ, и моляше Бога, и благодаряше его с радостию. Мати же царева обрѣте тогда подобно время злобе своей и научениемъ вражимъ нача смышляти, да наведетъ на царицу пагубу. Призва к себѣ от царевы полаты мужа нѣкоего, доброродна тѣломъ, и рече ему с ласканиемъ: «Сотвори нынѣ повелѣнное мною, и азъ ти честь воздамъ велию и сподоблю тя велика сана, токмо сохрани мною заповѣданная крѣпцѣ». Он же рече: «Что есть, госпоже-царицѣ, хотѣние твое?» Она же рече ему: «Иди нынѣ в полату к царицы, идѣже почиваетъ, и возлязи с нею на одрѣ». Он же рече: «Не могу сего не токмо сотворити, но ни помыслити на такое злое дело, аще царь увѣсть, что будетъ? Всяко убьетъ мя». Она же рече: «Не бойся, токмо послушай, азъ тя избавлю от руки царевы, и не сотворитъ ти ничтоже зла, вѣси бо, яко мощно ми есть. Послушай, сотвори волю мою, не вѣси, чимъ ты прославлю и почту». Он же велми отрицашеся, не хотя сотворити такова зла дела. Она же, злая ехидна, велми нудяше мужа того и прещаше¹ ему смертию, аще не сотворитъ тако, и многими муками прещаше ему. Он же отрицашеся и убоялся, немогий ея прещения преслушати, давъ ей слово тако сотворити.

---

¹ угрожая.

Она же, востав скоро, и веде его в полату ко царицы, предстоящимъ же дѣвамъ повелѣ отступити и заповѣда имъ, да ничтоже глаголють о приходе ея, прещаше им смертью. И откры завѣсу, идѣже царица опочиваше, по рождении младенцовъ спяше бо крѣпцѣ, от истомления и от напоения не чуяше прихода ихъ. Мати же царева повелѣ ему возлѣщи на одрѣ без гашь¹, он же, послушавъ злыя тоя и лукавыя змии-матере царева, по повелѣнью ея возлеже на одрѣ к царицы безъ гашь. Царицы же ничтоже о семъ вѣдушу и не разумѣ злохитрства свекры своя крѣпкаго ради сна.

Лукавая же ехидна и злокозненная змия в то время изыде от царицы ис полаты и скоро иде в церковь не по обычаю, якоже достоить. И пришедъ в церковь, необычно возгласи сыну своему царю: «Что тако радуешься и веселишися о рождении чадъ своихъ и молебная совершаеши, а не вѣси того, что твоя лукавая и льстивая прелюбодѣвица-царица нынѣ творить? Возлѣжитъ бо на одрѣ с рабомъ твоимъ и прелюбодѣйствуетъ, якоже обычей прежде. И тыя младенцы рожденныя не твоего зачатия есть, но от одного мужа, любимица ея, иже с нею на одрѣ веселится, и подобятся бо ему. А она льститъ тебе по вся дни своими словесы и ласканьями. Ты же, убо простоумень, мнишы ю вѣрну быти къ тебѣ и любезну, мене же, матеръ свою, презираеши и не емлещи вѣры рождшей тя. Аще хощещи правду ея и мой глаголь истинно увѣдати, иди скоро в ложницу и виждь лукавыя твоя жены злое дѣйство, како тебѣ ругается и державъ твоей на лицѣ льститъ и ласкаетъ, аки вѣрна показуется, тиха, яко благонаравна, а по злодѣянью своему не токмо быти с тобою во царствии твоёмъ, но ни жити с тобою достойна». Царь же, слышавъ сия словеса от матере своя, ужасенъ быв о возвѣщении. И не дождався конца молебнаго пѣнія, скоро поиде из церкви со ближними своими к царицы своей в полату. И пришедъ внезапно, и видѣ у нея раба своего ближняго, лежаща на одрѣ без гашь, наполнився ярости и удари его мечемъ в сердце, прободе. Раб же той велми возревѣ и умре. Царицу свою повелѣ воврещи в темницу и с чады ея, ничтоже ей о томъ вѣдушу. И много время пребысть в темницѣ, блюдома и с чады своими твердыми стражи по повелѣнью царева и питаема нужною² пищею. Царь же от полаты изыде, во мнозѣ печали и страсѣ быв, в недоумѣнии, срама ради. И размышляя в себѣ: «Что есть се, и како горкое сие измѣнение сотворися?» И много сѣтуя о томъ.

И по лѣте нѣкоемъ призва к себѣ въ полату бояръ своихъ и рече имъ: «Что подобаетъ царице сотворити?» Нѣцыи же от нихъ не мнѣша быти такову царицу, но не смѣяху глаголати, рекоша к царю: «Сердце бо твое в руку Божию есть, якоже той изволить, тако и будетъ». И по прехождении времени повелѣ изыти царь той внѣ града, на нѣкое пространное поле, и престоль царский устроити тамо, и степени, и сѣдолица властемъ. И повелѣ собратися властемъ и велможамъ, и всему сигъклиту,^{*} и купцемъ, и всѣм жителемъ града того, и самъ

¹ порты: нижняя, исподняя одежда; ² скудной.

изыде вооруженъ и сѣдѣ на престолѣ своемъ. И повелѣ молчанию быти и возгласи, и рече властемъ и велможамъ, и всѣмъ собравшимся ту: «Судите мя с царицею моею, понеже велие зло сотвори, и рцыте ми, что подобаетъ сотворити противу злу ея». Власти же и бояре, и вси предъстоящи единогласно рекоша: «Божия воля да будетъ и твоя, о царю, якоже вѣси и хочещи. Мы како можемъ судити государей своихъ?» Повелѣ же царь ту вскрай народа уготовати огонь велий зѣло, и сотвориша скоро велий. Повелѣ же привести и царицу ис темницы, и с чады.

Посланный же скоро шедше в темницу и обрѣтоша царицу, ницъ лежащу пред образомъ Господнимъ и Богородицы и молящуся со слезами, истомленну зѣло от поста и печали; младенцы же близъ ея бяху. Вземше же ю и ведоша ко царю, а чада ея несущи. Царица же, ведома, плакаше горко, глаголаше: «Создателю мой Господи! Ты вѣси, яже¹ суть, вѣси, яже ничтоже согрѣшихъ, о нем же осуждена есмь. Помилуй мя, Создателю мой, щедротъ ради твоихъ и сихъ ради младенцевъ незлобивыхъ; вѣси, яко царстии суть сынове, а не прелюбодѣйчища. Не вѣмъ бо, откуда найде напасть сия на ны, и любимаго ми государя души повреждение, лютыя ради клеветы сея». И паки глаголаше царица: «О всемилостивая Владычице, мати Бога и всѣхъ, нескверная Девице! Ты вѣси, Госпоже моя, яко не осквернихъ девства моего, ни брака царьскаго обезчестихъ. Нынѣ же что приключися, не вѣмъ се, прииде конечное поругательное осуждение, за высокоумие ли или кое иное погрѣшение мое. А я же глаголю: неповинна есмь, ты вѣси, Владычице всѣхъ. Помилуй мя в часъ сей и младенцовъ сих, сиротъ, ниоткуда имѣющихъ помощи. Аще ты не помилуеши, не имамъ, кому помолитися». И егда приведоша ю близъ царя, она приемше младенцы своя на обою руку и поверже пред ногама царю. Младенцы же оны осязающе руками младенчески за нозѣ царя, отца своего, играюще, понеже второе лѣто бяхе по рождении ихъ. Паде же и царица на нозѣ царю, горко вопиюще, со слезами глаголаше: «Помилуй мя, владыко мой, царю праведный, погибшую нынѣ душею и тѣлом, а невѣдущу о сихъ, ничтоже сотворшу, яже есть глаголемое о мнѣ, и како прииде на мя напасть сия смертная и поругательная. Вижду, яко предлежит ми нынѣ повелѣнный тобою огонь и в честную руку твою мечъ, мнѣ же, бѣдной, укоризненная смерть. Ей, благий царю, свидѣтель ми небо и земли, паче же Создатель-Богъ, ими ми вѣру, яко такового зла не сотворихъ, ни помыслихъ во умѣ своемъ, во вся дни живота своего благая тщахся пред тобою, и сотворихъ по силѣ моей повинование, и совѣсть имѣхъ, якоже ты вѣси, якоже подобаетъ женамъ благочестивымъ. Помилуй мя, благий царю, господин мой, и не погуби мене нынѣ, смиренныя, погибаемая напрасно, лютѣ утомленную гладомъ и жаждою истаявшую, от печали сокрушенную, не имущую, гдѣ главы подклонити и у кого милости попросити, развѣ Создателя всѣхъ Бога, в того бо руку твое сердце. Владыко мой, пречестнѣйший мой господине, ей, во истинну живаго на

¹ что.

небесѣ Бога, свѣдущаго всѣхъ тайная сердца, яко не сотворихъ любодѣйства, ниже помыслихъ на державу твою. К тому не имамъ, что глаголати, точию помилуй мя и даруй ми животъ. Аще ли невозможно, поне младенцевъ сихъ незлобивыхъ помилуй, не погуби ихъ со мною. Вѣрую бо, яко по времени извѣститъ ти Богъ, яко твое есть царское законное сѣмя в нихъ и мое, бѣдницы, законное рождение, а не прелюбодѣйчища. Извѣститъ ти свѣдый вся, да не будетъ сокрушение сердцу твоему ихъ ради. Остави ихъ жити, неповинни бо суть, младенцы бо есть». Царь же слышавъ от нея глаголы тыя и видѣ горкіе слезы ея и младенцовъ, пред ногама ползающихъ и охапующихъ руками нозѣ его, и помянувъ царицыну вѣру, яже къ Богу, и к нему добродѣтель и к человеку, и добронравие, воздержание и молитву, и к нему благий совѣтъ, испусти слезы. Слышав же и нѣкоихъ от бояръ, глаголющихъ между собою тайно, яко младенцы тыя подобни суть царю, отцу своему, во истинну клевета и неповинная бѣда царицы се есть. Велможи же и власти горко плачуще царицы ради, глаголати же не смѣяху на лице¹, матере его ради. И помолчавъ много, царь великимъ гласомъ рече: «Рцыте ми нынѣ, что сотворю страстницы сей, царицы моея, яко злѣ поругася царствию моему, видѣхъ бо очима моима зло сие, имѣхъ бо ю благочестиву и добродѣтелну, а обрѣтесе, егоже не чаяху, како имѣти ю хощу пред очима моима, а самъ видевъ таковое зло». Предстоящий же царский сигклитъ, и власти, и велможи, и вси бояре малъ часъ умолкоша, захлипающиися в слезахъ. И паки с молениемъ рекоша ко царю, падше, поклонишася ницъ пред ногама его: «Мы, владыко, не смѣемъ много глаголати, токмо насъ послушай, благий царю. Отдаждь ей Богу судити, иже вину и правду ея вѣдаетъ. Мы вины ея не можемъ ни помыслити, а что приключися, Всевидящее око исправитъ. Послушай нас, благий царю, отпусти ю и с чады, младенцы малыми, даруй им животъ, якоже ты изволиши, не повели умертвити царицы и чадъ, отпусти ихъ, якоже ты волиши, понеже единъ Богъ вѣсть всѣхъ человекъ тайная сердца, ожидаетъ обращения от всѣхъ. Аще бо и согрѣшила царица, то да покается, аще ли ни, то прославит ю Содѣтель² всея твари всещедрый Господь Богъ и Пресвятая Богородица и призритъ на младенцовъ сихъ, и еже хошетъ, сотворитъ с ними смерть или животъ. Токмо молимъ тя, не ослези насъ, всего царства своего жителей, горкимъ симъ осуждениемъ, а негли³ и ты порадуешся в приидущее время, и присѣтитъ ти Господь Богъ и извѣститъ, яже суть о нихъ». Царь же в размыслѣ быв, и плачяся, и видѣ царицу свою плачущую, и от печали и от истомления скончавающуюся пред ногама его, прежде осуждения смертнаго, и младенцовъ ползающихъ,⁴ ово к нему радостнѣ, ово⁴ к матери, подвизающе востати, немотующе⁵ языкомъ младенческимъ, зря на нихъ, умилися и повелѣ царицы дати мало брашна⁶ и проводити ю и со младенцы ея в пусто мѣсто, идѣже никто от живущихъ человекъ приходитъ, и тамо оставити повелѣ ихъ, глаголя: «Еже восхошет Богъ о нихъ, то

¹ открыто; ² Создатель; ³ когда-нибудь; ^{4—4} то... то; ⁵ лепечущих; ⁶ еды.

и сотворить». И тако печалень отиде в полаты своя. Мати же его радующися и веселяшесе, яко улучи желание свое и исполни волю свою.

И тако проводиша мужие царицу в пустыню и со младенцы ея и обрѣтоша мѣсто, имуще дресеса, плодovита многа, оставша ихъ тамо. Она же препочинувъ многи дни на мѣстѣ томъ, питающися от плодовъ земных, моляше Господа Бога, и Пресвятую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, плачущися и рыдающе горко о разлучении царства и о поругании своемъ; благодаряше Бога и радовашесе, яко оставлена жити с чады своими. И по нѣколицѣ времени поиде с мѣста того с чады своими, и иде немало дней путемъ своим, и обрѣтоша при потоцѣ мѣсто сѣнно¹ и красно, и плодovито. И нача ту жити, и пребывающе ей и питающеся с чады своими.

И нѣкогда возляже опочинути, прииде нѣкий звѣрь, зовомая львица, и восхити у нея единого младенца, и бежа. Царица же, возбнув², зря несомна сына своего львицею, от страха оцепене. И внезапно нападоша на львицу ту птицы велицы, хотяху у нея от'яти младенца, и тако много брашася с нею, прогнаша ю во островъ нѣкий, и тамо уйде в пещеру. И пребываша ту, и не из'яде младенца онаго, но питаше его, якоже обычай ей бѣ. Царица же она, взя младенца другого на руку свою и велми востенав горко со слезами, в жалости сердца глаголя: «Боже, Создателю мой, паки оставилъ мя еси, люте мучиму быти отлучениемъ чада моего и горкою смертию его уязвихся?» И поиде во следъ звѣря того, правя путь его многое время. И обрѣте во островѣ ис пещеры исходяща львицу и с чадомъ ея, и питающе младенца, и играюще с нимъ, и тешашу его. И порадовася царица, яко живъ есть сынъ ея, и благодаривъ о томъ и моляше Бога, и пребысть во островѣ томъ немало время, прямо зря на чадо свое и на львицу. И по многомъ времени отиде царица от мѣста того и с чадомъ своимъ, а унесенное львицею возложи Богови, во умъ своемъ моляшесе о снабдѣнии сына своего.

И тако много время скитаяся по пустыни, взыде на гору високу, и узрѣ градъ велий, и возрадовася велми, слава и благодаривъ Бога зѣло. И поиде со тщаниемъ на страну ту, идѣже градъ, и прииде близ его. И обрѣте человека, идуша по пути, и вопроши его о жителствѣ града того. Он же повѣда им, яко житель есть града того, и во градѣ живутъ благочестивии христиане, а градъ той державы онаго царя, мужа ея, уразумѣ бо она от глаголь человека того, но далече есть от царственнаго града. И повѣда себѣ она заблудившуюся с чадомъ своимъ и в пустыни скитающеся боле двою лѣтъ. И моляше человека того онаго со слезами, дабы повелѣлъ ей в дому его поне мало время пребыти. Муж же той старъ бѣ, и благочестивъ, и искусенъ в вещехъ. Видѣ жену добродородну и в речехъ разумну, искусну в беседѣ, и одѣяние ея, аще ветхо и раздранно, но честно бѣше, и уразумѣ ея быти непросту жену и чада ея, младенца, непроста же разумѣ быти. Он же приять ю с радостию и покояше ю и чадо ея, и велию честь воздавая имъ. Она же пребываше в дому его ³пять на десять³ лѣтъ. И изучи сына

¹ тенистое; ² пробудившись; ³—³ пятнадцать.

своего Божественному Писанию, и навыкновеню, и искусству, бяше бо и сама хитра божественнымъ книгамъ и всякому доброму навыкновеню. Отрокъ же, сынъ ея, бяше доброденъ тѣломъ, и прекрасенъ зѣло, и разумен, и дарова ему Богъ и силу велию. Мати же о немъ радовашеся и благодаряше Бога, храня тайну в сердце своемъ. Благочестивый же мужъ той, у негоже пребываше царица, видя ю постящую и молящую часто, и о всякомъ блазѣ¹ прилѣжащу, и сына своего тому же научающу, и никогда же слыша от нея пустошныя глаголы, почиташе и храняше ю, яко матеръ, а отрока любляше, яко сына. И сперва бо той мужъ бяше воинъ храбръ зѣло и силенъ, и искусенъ в ратех. Имяше же в дому своемъ щитъ, и колчюгу, и шелом, и палицу, и копие, и вся орудия воинская. Сынъ тоя царицы ходяше во храмину ту часто и тѣ доспѣхи на ся возлагаше многаши, и ношаше храбрующи. Раби же господина видяша его, тако творяща, смѣющеся. И по времени нѣций от нихъ сказаша вся господину своему. Он же, слышавъ, возбрани им пакостити ему. И нѣкогда и самъ смотря отай² храброванія его, и уразумѣ, яко воинъ хоцетъ быти велий и паче его, и силнѣе, и благодаривъ Бога о томъ, яко наслѣдник хоцетъ быти храбрости его, и храбрѣе и силнѣе, не позавидѣ, но и паче чтяше и радовашеся.

По времени же нѣкоемъ, идѣже царствуя царицы оныя мужъ, а отрока онаго отецъ, и прииде на градъ той и на царство его царь нѣкий, славенъ и силенъ, имѣя рать с собою велику зѣло и многи храбры воины и силники³. И стояше под градомъ тѣмъ многое время, прося из града храбра мужа, дабы выѣхалъ и брался с ними. Аще ли ни, то бы царство предали ему, чая не обрѣстися во градѣ у нихъ воинъ силныхъ противо его храбрыхъ силниковъ. И прещаше⁴ имъ по вся дни люто. Живущии же во градѣ царь и вси людие велми ужасошася о томъ и убо яшася прещения царя того противнаго, не чающе у себе силныхъ воинъ противъ супостатъ. Сынъ же оныя царицы, слыша таковая и вѣдая, яко отецъ его царствуетъ во градѣ томъ, нача молити матеръ свою, дабы его отпустила с молитвою и благословила ѣхати ко граду тому на свобождение и на отмщение сопостатъ онѣхъ. Мати же его моляше и возбраняше ему от таковаго начинания и глаголаше, дабы отложилъ мысль ту, еже разлучитися от нея. «Како, — рече, — хоцещи, возлюбленное мое чадо, на таковое великое дѣло дерзнути, егоже ради мнози силницы отбѣгають, страха ради ратнаго. Понеже тамо и неповинныхъ восхищаетъ смерть, от отцей и матерей отлучаетъ, и рыдание и плачь велий наводитъ. А мене ты, чадо мое драгое, како хоцещи оставити без утѣшения? ⁵Не вѣси ли⁵, что пострадахъ от чего, и во что приидохъ, и разлучихся царства и отца твоего пречестнаго и любимаго ми, и брата твоего, сына моего, в сокрушении и болѣзни воспитанного, такожде от мене злѣ от'ята, яко и ты мало распамятствуеши о нем. Увы мне, увy мне! Нынѣ хоцещи мене при старости, сиру и убогу, оставити без утѣшения». Отрокъ же онъ, слыша от матери таковая, с плачемъ паде на

¹ благе; ² тайно; ³ богатыри; ⁴ угрожая; ⁵—⁵ разве не знаешь.

нозѣ ея, моляся, глаголя: «Аще Богъ молитвъ ради твоихъ святыхъ спасетъ, вѣруй, паки возвращуся. Мати моя, имамъ тя утѣшити. Не в руку ли Божию здѣ есмь азъ? Не можетъ ли тебе ради и тамо мя спасти? Токмо благослави мя и молитвуй о мнѣ». Муж же той, у негоже пребывава, видя отрока, у матери молящася о разлучении, нача ю молити и углаголавати утѣшительными словесы со слезами, а не вѣдаше тайны ихъ, глаголя: «Госпоже благородная и благочестивая, уразумѣхъ бо азъ, яко непроста рода есть ты, но благородна и благочестива, и непроста мужа жена, и что приклучися тебѣ и чаду твоему, Богъ вѣсть. Мню, яко не истинну ми рекла еси,¹ но ничтоже ми о семь¹. Токмо молю тя, послушай моления сына твоего, отпусти его с миромъ и молитвою. Вѣруй, спасый ты в пустыни толика лѣта от звѣрей и от гаду, и от птиц, и от всякия напасти свободивый, и воспита младенца твоего, и приведиъ васъ на мѣсто сие, не можетъ ли спасти и тамо, в рати суща, и паки возвратити его к тебѣ и утѣшити тя, а негли имъ свободитъ царство наше, и проженеть² сопостать, и прославить имя свое святое на немъ; паче же и тебе прославить и утѣшить». Она же, слышавши таковая, отпусти его с миромъ и молитвою и слезами, сама же остася, прилѣжа посту, паче же и молитвъ. Отрокъ же онъ паде на нозѣ господину своему о упокоении матере своея. Муж же той обѣщася пред Богомъ все исполнити прошение его. И даде ему храбрая ополчения своя и воинский конь. И тако, молитвовавъ обще с матерью его, отпустиста со слезами. И тако поехавъ ко граду тому.

В то же время корабленицы идяху по морю и присташа ко берегу, ко острову оному, идѣже лвица пребываетъ, иже унесе сына царева. Изшедше ис корабля на островъ той и хождаху по нему плодовъ ради. И видяху слѣдъ звѣрескъ и человеческъ, и идоша путемъ тѣмъ. И узрѣша пещеру и приникше тамо, видяща лвицу лежащу и вскрай ея млада юношу и добродородна, лежаща. И удивишася велми, ужасошася, бѣжаша в корабль и протчимъ виденная повѣдаху. Сущии же в корабли, слышавше таковая, удивишася, хотяще истѣе увѣдати, совѣщавшеся, взявше оружие, поидоша на островъ той видѣти бывшее. И пришедше близъ вертепа того и приникша, видяща лвицу лежащу и вскрай ея юношу добродородна, лежаща нага. Лвица же зряща на нихъ тихимъ взоромъ и обращаху юношу зрѣти на нихъ, яко указуя. Корабленицы же удивишася, мысляху: «Что се хочеть быти? И како безъ испытанія хоцемъ быти от дивныя сея вещи?» И возьмъ брашно добро, и метнувше ко лвице. Воставши же и юноша; лвица, взявше брашно, ядоша, взирающе на кораблениковъ. Они же метнуша ризу добру. Лвица же, взявши, одѣя отрока. Они же метнуша и опоясание. Отрок же препоясася и близъ лвицы сѣде. Лвица же воставши и поиде ис пещеры, толко скабляющися и веселящися, зря на кораблениковъ образом же, яко любезнуя. Они же ужасошася, отступиша от пещеры. Изыде же юноша в слѣдъ и поклоня-

¹—¹ но я на это не сетую; ² прогонит.

шеся имъ. Они же приглашающе его к себѣ, махающе руками, показующе брашно в сосудѣхъ. Он же приступи к нимъ близъ. Они же поемше юношу того и ве-доша на корабль свой. Он же не противляшеся имъ, идяше. Лвица же в слѣдъ ихъ идущи. Корабленицы же ¹цку восходную¹ взявше в корабль, дабы оставити лвицу на брезѣ. Она же бредущи, вскочи на корабль скоро. Корабленицы же ужасошася, бѣжаша во един вскрай корабля. А лвица же, пришедши ко отроку своему и видѣ пред нимъ брашно добро, и нача ясти со отрокомъ тѣмъ. И насытився, преклоняше главу свою, ласкаяся тихимъ взоромъ и крабленикомъ тѣмъ придружашеся, аки молвити хотяше. Отрокъ же той кланяшеся имъ. Лвица же ляже ту на корабли. Отрок же иде х корабленикомъ тѣмъ и вземъ единаго за руку, не умѣя глаголати, но немотуя, веде его ко лвице. Той же з боязнию иде по немъ. Отрок же повелѣ гладити лвицу. Она же ласкающися, придружашеся к ним. Корабленицы же удивишася зѣло, и тако единъ по единому придружашеся ко лвице и ко отроку и быша без боязни. И поидоша въ путь свой, брегуще отрока и лвицу, и тѣшаше ихъ. Отрок же мало-помалу навывая языку ихъ и наукомъ и искусству, и сам глаголати начиная.

И Божиимъ изволениемъ приидоша ко граду тому, идѣже юноши того отецъ царствуетъ, и присташа ко берегу, и идоша во градъ ко царю з дары своими. Царь же приять от нихъ дары и почте ихъ. Печалень бо бяше нашедшыя ради рати на царство его. Корабленицы же повѣдаша цареви, како на пути обрѣтоша лвицу во островѣ и с нею юношу, добродородна и прекрасна зѣло, и разумична, и имѣють ихъ на корабли своемъ. Слышавъ же царь, удивися и повелѣ лвицу и юношу привести пред ся. Корабленицы же, шедше, приведоша ихъ ко царю. Видѣвъ же царь лвицы тоя кротость и взирание ласкателное и юноши того добродородство и красоту и искусство, яко многихъ человекъ превзыде возрастом и добротою, удивишася и почте кораблениковъ. И повелѣ лвицу в нѣкоемъ мѣсте хранити и питати доброю пищею. Юноши же тому вда одѣяние честно и устрои его пребывати близъ себе. Повелѣ же и ко лвицѣ приходити часто, да не унываетъ. Юноша же той веселяшеся, навывая языку и искусству. По времени же нѣцыи видѣша юноши того храбрство, яко воинская тяжкая орудия пыташе, и крѣпкия доспѣхи на ся возлагаше, и храбро хождаше, обрѣтеша паче всѣхъ во градѣ храбрыхъ и силныхъ, и глаголаше: «Ишелъ бы на брань противо ратныхъ». И повѣдаша цареви. Царь же, слышавъ таковая, возрадовася, призва его к себѣ и рече ему: «О юноше, аще даде ти Богъ храбрость и силу на ополчение к ратнымъ, послушай мене, яко отца, и буди ми сынъ, бездѣтну сущу царю. Изыде из града на отмщение ратнымъ и способствуй намъ. Аще подасть ти Богъ помощь и возвратися, побѣдивъ, здравъ, азъ ти велию честь учиню. Аще будещи разумень и искусень в царскихъ вещехъ, устрою тя в чину сана». Юноша же поклонися царю, глаголя: «Богъ да поможетъ ми молитвъ ради твоихъ. Отпусти

---

¹—1 трап.

мя противо сопостатовъ и даждь ми орудия воинская вся». Царь же возрадovasя и повелѣ ему устроити, якоже хошетъ, и конь, яковъ ему годенъ. И помолився Богу и поклонився царю, изыде противо сопостатъ. И лвица она, услыша отрока того пошествие из града, растерза замки и двери и изыде ис храмины, идѣже хранима бѣ.

И егда приближися отрокъ к сопостатомъ и нача същи ихъ без милости. А лвица же такоже с нимъ вкупѣ ратныхъ угрызая и растерзая ихъ ногты своими страшно. Со другие же страны тѣхъ ратныхъ полковъ Божиимъ изволениемъ онъ царицынъ сынъ, иже с матерю во градъ воспитанный, в то время приѣхавъ и нача същи и побивати противныхъ без удержания, а не вѣдая того, яко братъ его съчетъ от града. И тако смятошася полцы, и силнии ихъ ни во что же быша. А протчии устрашишася, видяща лвицу храбрую, а воины побивающе безъ удержания, и бѣжати от нихъ не могоша. Они же, два храбрыя воины-юноши, не вѣдуще другъ про друга, съхашася и увѣдаша, яко за едино храбруютъ, поклонишася другъ другу, глаголюще: «Богъ да поможет ти, брате, за молитвъ святыхъ своихъ». И тако побѣдиша вся воины противныя и храбрыя оны, ни во что же сотвориша. И видѣша рать побиену, и поѣхаша во градъ ко царю заедино. И ко граду ѣдучи, другъ друга братомъ назваша и во единомуше согласошася. А лвица же в слѣдъ ихъ идяше тихо и кротко, радующися. Юноша же той, иже царицынъ сынъ, вопроси другаго о лвицѣ. Он же глаголаше: «Яко мати ми есть». Царицынъ же удивишася и внимаше умомъ своимъ: «Не братъ ли ми есть сей, унесенный лвицею?» Внимая и храня мысль в сердца своемъ.

Егда слыша царь и вси людие градстии пришествие ихъ и увѣдаша о побѣде на сопостаты, царь же повелѣ велможамъ своимъ срѣсти ихъ внѣ града и почтити ихъ паче прочихъ. Сам же срѣте во градъ. Юноши же, слѣзши с коней, поклонишася цареви. Царь же со слезами облобыза ихъ и возблагодаривъ ихъ, радовашася, и иде во церковь. Юноши же, держаша единъ под десницу, другий под шуицу, и идоша во церковь Божию, и сотвориша молебное пѣние Господу Богу, и Пречистѣй Богородице, и всѣмъ святымъ, и воздаша благодарственная. Сотвори же царь милостыню нищимъ и посещение темничнымъ. И вси людие царства того возвеселишася и воздаша хвалу Богу. А лвица же она в то время пребываша в припратѣ¹ церковнѣмъ. Царь же повелѣ ю в первую храмину и питати ю доброю пищею и покоемъ. Она же радующися, идяше, ласкающися к нимъ.

Сотвори же царь юношамъ тѣмъ, и боляромъ, и властемъ, и велможамъ радостныя тоя побѣды ради пиръ великъ и торжество. Юноша же, иже звѣри-нескъ сынъ именовашеся, почиташе брата своего, царицына сына, яко старѣйшаго, бѣше искушенъ Божественному Писанию и речевитъ зѣло, и всякому навывковению хитръ, и той на отвѣте и на вопросѣ пребываше. Пребывающимъ же имъ во единой храмины на упокоении, радующеся другъ другу. И тако по

¹ паперть.

многи дни торжество бяше и веселие в полатѣ царевѣ з боляры и велможи. И многими дарьми царь даривѣ юношѣ тѣхъ и почтивѣ юношѣ тѣхъ первыми мѣстами в сѣдании и хождении, и любляше ихъ велми, яко чадѣ своихъ, и моляше Бога, дабы и оне любили его, яко отца своего, бяху бо подоболчна юноши тыя, яко братия. Людие же, зряху на царя и на отроковѣ тѣхъ, удивляющися, яко подобятся царю виды своими, и разгарахуся у народовѣ сердца к люблению отроковѣ тѣхъ.

По времени же нѣкоемъ в торжестве на пирувании разблжися сердце царево и вопросы отрокѣ тѣхъ, коего граду бяху и коего отечества. Юноша же той, иже от царицы оныя испросився ратоватися с сопостаты, воставъ, рече: «Азъ, благий царю, не вѣмъ, каковѣ бѣ отецъ мой, но слышавъ у госпожи святыя моея матере, яко бѣ она царица нѣкоего царя благочестива и славна, живяше со отцемъ моимъ, мужемъ своимъ, в законѣ Божии, в совершенной любви и союзѣ, и храняста оба союзъ, якоже подобаеъ мужемъ и женамъ благочестивымъ без порока. И бяше бо мати моя милостива и благочестива зѣло и любима бяше отцемъ моимъ, царемъ благочестивымъ, о немъ, и почитаема подначалствующими властью, князи, и боляры, и велможи, и всѣми народы добродѣтелнаго ради ея нрава. Имяше же царь той, отецъ мой, у себе мать горду, и неблагогородну, завистливу и ненавистну, и тая убо бяше от велмож и от народа презираема за злонравие ея, бяше бо властолюбица. И завиствуя бо на матеръ мою, яко почитаема паче ея от народа бысть, имя ея обношашеся во всѣхъ устѣхъ паче ея, матере цареви. И искаше времени, да сотворитъ пакость матери моеи, и возсмердитъ ея сыну своему, а моему отцу, царю, и народу. И во многое время невозможно обрѣсти вины, всяко злохитрѣствуеши. Егда же Божимъ изволениемъ отецъ и мати моя зачаста насъ законно, и по времени роди мати наю, мене и другаго сыны, царю, и отецъ нашъ ради рождения нашего радостенъ бысть, иде в церковь Божию молебная совершати. В той часъ мати наша по рождению наю в полате почиваше, от истомления и от напоения спяше крѣпко. Мати же царева, окаянная баба наю, навождениемъ вражимъ от зависти умысли, и призва от цареви полаты мужа, доброродна тѣломъ, а проста нравомъ, часто предстояща цареви. И глагола ему ласковыми словесы, злокозньствуя, ово дары обѣщевая ему, ово сановство велико, принуди его возлещи к матери моеи на одрѣ без гашѣ. А сама в той часъ скоро шедша к сыну своему, царю, отцу нашему, в церковь и рече ему: „Что ты радостная, царю, твориши торжество рождения ради чадѣ своихъ, а не вѣси того, что лстивая жена твоя нынѣ творить, в полатѣ с предстоящимъ тебе мужемъ онымъ прелюбодѣйствуетъ. И та рожденная чада не от твоего сѣмени есть, но оного мужа прелюбодѣйца, иже на одрѣ возлежит с нею. Аще ли не имеши вѣры, иди и виждь”. Отецъ же мой, царь, слышавъ таковая, оставивъ молебная пѣния, и скоро иде в полату к матери моеи. И видѣ у нея на одрѣ лежаща служащего ему, возьмѣ мечъ, пронзе его. Муж же той вскрича и умре. Мати же моя о сихъ ничтоже вѣде, возбнувъ от крича того и ужасеся, не могый,

что молвити. Отецъ же нашъ, царь, повелъ ю и с нами, с чады своими, в темницу всадити. Опечалися велми, не мня ю такову быти, якову обрѣте. Вѣдый же добродетелное нрава ея, вѣдая бо и жестоту матери своя, вскоре не умертви матери нашей и наю, но повелъ ю в темницы хранити и питати. И по мнозем времени хотя ю сожещи и с нами, с чады своими, и совѣтом царскаго сигклита и приятель ближнихъ и молениемъ властинымъ не умори наю, ни сожже. Но повелъ отвести в пусто мѣсто мать мою и наю, и сотвориша тако. Мати же наю увѣдев о бѣдѣ своей завистную клевету в темницѣ сѣдя, от стражей и от протчихъ, и возложи надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, моляся и благодарнѣ терпящи. Пребываше в пустыни плачущи и питаючи нас от плодов земныхъ и отъ сосецъ своихъ. И доиде до нѣкоего потока и мѣста доброплодна, и пребывая ту немало время, и нѣкогда возляже опочинути. И в то время приде на нь звѣрь лютъ лвица, и восхити у нея младенца, брата моего, и унесе. Мати же моя по слѣду тому звѣрску идяше, плакашеся велми, и постиже во островѣ нѣкоем лвицу в примории. И видя сына своего у нея, брегома и питаема, и зря на него, плакашеся, приблизитися не смѣя. И отиде, скитающийся по пустыни, возложи печаль свою на Бога. И многи дни гладомъ томима и жаждею, и зноемъ опаляема, и студению оскорбляема, ведый с собою и нося мене единого, и dospѣхомъ нѣкоего града. Из него же азъ нынѣ приидохъ, слышахъ рать сию, нашедшую на градъ сей. Мати же моя, егда прииде со мною ко граду тому, обита у нѣкоего мужа благочестива и нищелюбива, и престарѣла, и богата зѣло, и до сего времени, иже и мене сподоби бранными орудии». Царь же, слышавъ таковая от юноши, разумѣ, яко быти ему сынове его, смятеся утробою, облияся слезами. И, помолчавъ, вопроси другаго юношу, рече: «А ты, храбрый юноше, откуда сей, и какова града и отечества?» Он же, воставъ, рече: «Азъ, царю, не могу довольно глаголати, понеже ненавыкновень есмь языка совершенно глаголати вашего. И не вѣмъ града есмь или отечества, но мало распахотствую, яко по пустыни ходихъ с женою нѣкоею и отрочищемъ другимъ, и мню, яко мати ми бысть и братъ, но мало памятствую. Паче же нынѣ от словесъ его, сего юноши, вразумляюся. Унесе бо мя лвица у матери моя и внесе в пещеру свою. Азъ же от страха изумихся, и егда, отдохнувъ мало, востахъ, хотѣхъ бѣжати от нея, она же охавивъ мя, глядяше, ласкаяся, взираючи ко мне любезно, от'емлющи лизаше и не брежаше мя. Азъ же, видѣвъ, яко не вредитъ мя, но паче утѣшаетъ и питаетъ мя, и многаши по острову оному хождахъ. Она же во слѣдъ мене хождаше, и никому не даваше мя вредити. В нощи же в пещеру ону идоша и почихомъ ту. Лвица же она питаше мя от сосцу своею, приноша же и плоды земныя, могущыя мя укрѣплити. И тако жихъ с нею в пещерѣ до дне того, егда корабленицы они придоша и поемше насъ, и представиша мя пред тобою, пречестнѣйший царю, а иного о себе ничтоже вѣмъ». Царь же, слыша от юноши таковая, смущашеся сердцемъ. Князи и людие, слышаху таковая, распыхахуся сердцы в любовь к ним, зряху бо ихъ подоболчна отцу своему, царю, и глаголаху молкомъ другъ

другу: «Что се хочеть быти?» И паки царь вопроси перваго юношу, рече: «Да гдѣ нынѣ обитаетъ мати твоя?» Он же рече: «Царю, рекохъ ти, яко во ономъ градѣ у онаго благочестиваго и христоролюбиваго мужа. И вѣм, яко нынѣ ожидается мя по вся часы слезно, понеже общахся к ней скоро возвратитися. Аще о царѣ своем, отцѣ нашемъ, и о царствии, и о сродницѣхъ, и отечествѣ всегда болѣзнуеть, слезящи, и о дѣтище своемъ плакаше, но о мнѣ веселящеся по вся дни, и от тоя скорби и печали утѣшение принимаше мене ради и онаго благочестиваго мужа и утѣшительныхъ словесъ. Азъ же согрѣшихъ нынѣ, умедлихъ во упокоении своемъ при державѣ твоей и наведохъ на ню такову скорбь, яко по вся дни и часы, слезящи, умираю ей, не токмо первых ради бѣдъ, но моего ради отшествия. И не вѣмъ, жива ли есть нынѣ или ни от таковыя надсады». Сам же, глаголя, плачася о матери своей.

Царь же, слышавъ от обою юношу таковая, воставъ, возопи гласомъ великимъ: «О возлюбленнии мои князи, и боляри, и велможи, и весь царьскій сигкитъ, и вси православные христиане! Днесъ радость моя исполнися!» И рече юношамъ: «Вы есте благороднии юноши, во истинну есте моя чада возлюбленная, законная, и от сѣмени моего рожденная, и от матери вашей благочестивой и добродѣтельной, царицы моей, возлюбленной и избранной. А отлучены со благочестивою матерію вашею ненависти ради вражия, завистию бѣсовскою». И падъ на выя ихъ, коемужьдо¹ плакася довольно². Плакаху же ся князи, и боляре, и велможи, и народи радостнымъ плачемъ, и возглашаху побѣдная Богови. Промче же ся слово от того часа по весь градъ, и слышашеся по торжищамъ и улицамъ великая гласования радостная. Глагола же царь: «Азъ ради вас, чада моя, и матери ради вашей и до сего часа скорбяхъ сердцемъ, печаловахъ же, во царствии живя и многая благая пред собою зря, богатство безчисленное, и славы велики, и всѣхъ предстоящихъ с трепетомъ покланяющихся, никогда же совершенно возвеселихся, но утроба моя велми болѣзнава матери ради вашей и васъ. И до сего дни и часа инья себѣ царицы-супружницы не пояхъ, то ради надѣяхся на всецедраго Бога, милость и упование на него возлагахъ. Имите мнѣ вѣру, Бог свидѣтель, не осквернихъ себе по вся дни своя блудомъ. И нынѣ, чада моя возлюбленная, вас ради возвеселихся душею и сердцемъ». Они же, храбрии юноши, слышавше таковая, падше, поклонишася царю, отцу своему, со слезами и радостію великою, обლობызающе нозѣ его, и славяху Бога, благодарствующе, яко сподоби ихъ видѣти отца своего во царствии и славу величїи. И в томъ часѣ бысть у царя того во всемъ царствии томъ радость велика и торжество о обрѣтении чадъ своихъ, паче же храбрыхъ и мудрыхъ, и о одолѣнии сопостать. И тогда убо цѣлова царь чада своя во уста и в главы. И поиде с ними в церковь Божию, послѣдствующе имъ князи, и боляре, и весь сигкитъ и народи. И сотвориша молитвенное благодарственное пѣние. И учинишася во градъ томъ звоны вели-

¹ каждому; ² много.

цы и ликования страшна и велика зѣло. И повелѣ царь вскорѣ написати грамоты, и приписа своею рукою ко царице своей умилно, и посла сына своего, иже ею воспитанный, и даде ему и боляръ своихъ, и князей, и сигклить со мноюю силою и богатствомъ. И тако вскорѣ поидоша со тщаниемъ.

Слышано же бысть матере цареви сия, яко обличися злоба ея, и паче ея прославися невѣстка ея, царица, и противъ ею бысть, по мысли ея, и срама ради и зависти невозможе стерпѣти, испивъ зѣлия люта и умре. Царь же, проводивъ, погребе ея по чину, якоже подобаетъ.

Царевичъ же, храбрый юноша, и с полкомъ своимъ, дойде до града, идѣ же мати его пребываетъ. Вда ей грамоты цареви, отца своего, и положи пред нею дары велики. Она же паде на выю его, плакашеся, едва от радости не умре. Сказаша же ей, яко второй сынъ ея, иже восхищенъ бысть звѣремъ лютымъ лвицею, нынѣ живъ обрѣтеся во царствии отца своего, у царя, и о побѣде такожде сказа. Она же прочте грамоты цареви, и видѣ сына своего и слыша о другомъ, отдохнувъ, наполнися радости. И воздавъ благодарение всеилному Богу, поклоняшеся душею и тѣлом, и сердцемъ, благодарствивъ, скоро воставъ съ сыномъ своимъ, идяше къ царствию с полцы своими с великою радостію, благодарствивъ же и одаривъ онаго мужа, у негоже пребываше в дому.

И егда услышано бысть, яко царица близъ есть царства своего, изыде же сынъ ея, царевичъ, иже звѣринескъ нарицашеся, со освященнымъ соборомъ, со кресты и со иконы, и с пѣниемъ. Возслѣдствующе князи, и боляре, и велможи, и вси людие града того со женами и з дѣтми срѣтоша ю внѣ града с великою честію и звоны великими. И поведоша ю сынове ея в церковь Божию. Прииде же царь в церковь прежде пришествія ея и срѣте ю в церковныхъ дверехъ, прием ю за десную руку и веде ю во церковь Божию. Царь же и царица не могуши стояти от жалости великия на ногахъ своихъ, но поддержими бяху чады своими и боляры. И тако сотворивше молебная пѣния и благодарственное торжество, цѣлова ю во уста. И поидоста в полату, и поклони же ся царица цареви и едва проглагола: «Радуйся и во вѣки живи». Царь же, похвативъ ю, облобыза, глаголя: «Прости ми, любимица моя благочестивая, по бѣсовской зависти в невѣднии согрѣшившаго и оскорбившаго тя, неповинну существу». И сотвориша тогда празднество велие. Испроси царица у царя, еже отпустить осужденныя на смерть, и темничнымъ разрѣшение, и отдати долги должникомъ, и сотворися тако. И бысть во царствии томъ радость велия зѣло о обрѣтении царицы и чадъ ея. Царь же нача жити во царствии своемъ в радости велицѣ, паче благочестиемъ и добродѣтелию сияя. Слышано же бысть и по окрестнымъ странамъ слава и храбрость дѣтей его. Мнози же и данницы сотворишася им. Они же пребывающе благочестивно и благодарствующе, и славяше собравшаго ихъ вкупѣ Создателя своего, всещедрого Бога, в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа. Во вѣки, аминь.